

Конечкий Виктор
Викторович
(писатель)

4.4.02.

ПРОЩАНИЕ

Общая газета - 2002 - 4 апр. - с. 3

Последнее плавание отважного капитана

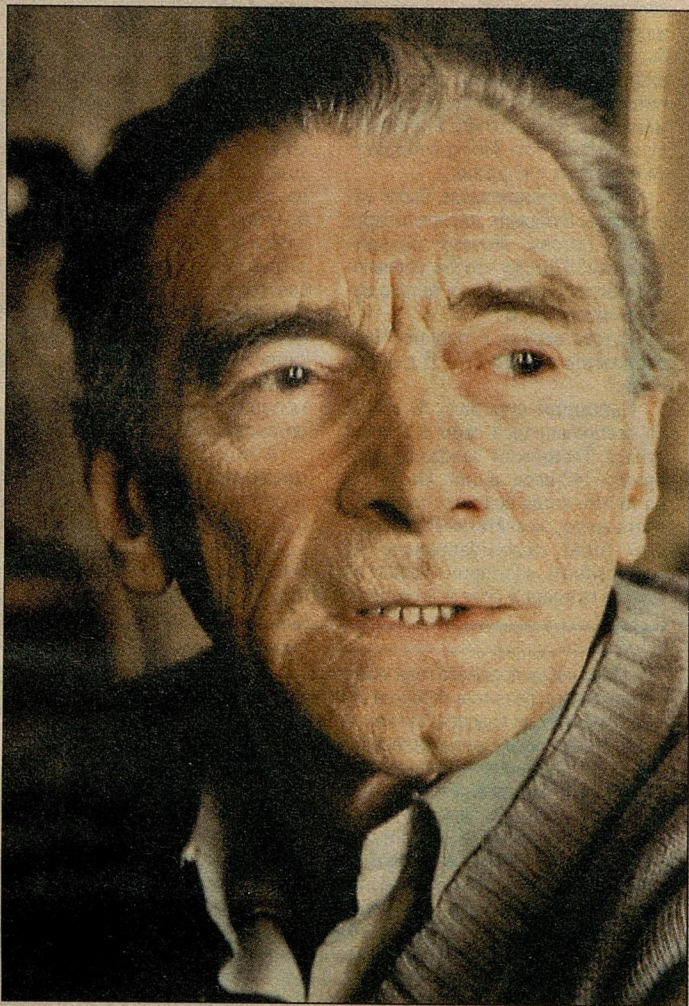
Старая песенка «Жил отважный капитан, он объехал много стран и не раз бороздил океан...» — будто про Виктора Конечкого. С шестнадцати лет в море, преодолел путь от юнги до капитана, тридцать раз прошел по Северному Морскому пути, трижды — вокруг света. И был не просто храбрым — в поступках и в словах — истинно мужественным человеком. Потому и его репутация — одна из самых безупречных в пестром и разном Союзе российских писателей.

Проза Конечкого, скупая, сдержанная, описывает мир особых людей и представлений. В нем краски ярче, границы между черным и белым видней, смысл — отчетливый. И любили его те, кто был открыт всему этому, не столько романтике — сколько честному взгляду на жизнь и в себя. Писатель Александр Житинский — один из них:

— Судьба свела меня с Виктором Викторовичем четверть века тому назад, когда вышла из печати моя первая книга прозы и я обратился к нему с просьбой — рекомендовать меня в Союз писателей. Я сознавал, что риск велик. В книгах своих Конечкий представал человеком прямым и достаточно жестким. Я мог нарваться на отказ.

Но мне посчастливилось. Наша встреча состоялась, рекомендацию я получил. Я спросил у него — как он пишет. Виктор Викторович стал рассказывать, что он всегда ведет дневник, который потом помогает ему восстанавливать ход событий. Он прочитал даже несколько записей, он часто включал их в свои книги, так сказать, в «живом» виде. Дневник свидетельствовал о волевом характере.

— А вообще, мне достаточно выйти на улицу и пойти пешком, скажем, на Васильевский остров, к Военно-морскому училищу... — продолжал он. — Я буду идти и вспоминать. Я пройду мимо дома моей матери, загляну во двор, вспомню блокаду. Потом я пойду к Стрелке Васильевского, мимо «Кронверка»... Когда я дойду до набережной лейтенанта Шмидта, книжка будет уже написана, — закончил Конечкий. — Останет-

ся только сесть за машинку и записать ее.

И я понял то, о чем уже догадывался раньше: Конечкий не пишет книги, он их путешествует.

Элемент обмана, который необходим литературе, в прозе Конечкого сведен к минимуму.

— Вы ничего не выдумываете из того, что написано в ваших книгах?

— Ничего, — твердо ответил В. В. — И имен героев — тоже.

— И не обижаются? — осторожно спросил я.

— Не то слово. Бывает, ненавидят... А что поделаешь? Издержки производства...

Эти «издержки производства» основательно портили ему жизнь. Он был совсем не в по-

чете у тогдашнего морского начальства. Зато читатели платили ему любовью, к нему приходили, с ним говорили о жизни... Нет, он никогда не стремился стать «учителем жизни», но верил, что литература и его книги, в частности, — это не только развлечение и отдых.

Что же главное? Какое слово приходит на ум при упоминании этого имени — Конечкий?

Слово очень простое: правда. «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда». Так писал Толстой.

И большего слова в литературе нет.